
Достоевский: круг чтения

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (33), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-90-104>

<https://elibrary.ru/SQJHQS>

© 2026. Владислав Кривонос

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

Специфика присутствия книги у Гоголя

© 2026. Vladislav Sh. Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

The Specifics of the Presence of Books in Gogol's Works

Информация об авторе: Владислав Шаевич Кривонос, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Льва Толстого, д. 47, 443010 г. Самара, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

E-mail: vkrivonos@gmail.com

Аннотация: В статье речь идет о книгах, которые читают или упоминают герои ряда произведений Гоголя. Автор показывает, что интерес и отношение гоголевских героев к книгам так или иначе отражают определенные свойства их личности. Книги рассматриваются также как материальный предмет, включенный в окружающий того или иного героя вещный мир. Анализ произведений Гоголя позволил выявить, что у его героев не выработана привычка к чтению и отсутствует потребность в чтении, не только умение, но желание и стремление читать. Если они и обращаются к какой-либо книге, то скорее имитируют процесс чтения, чем читают. Поскольку, как выясняется, жизненные интересы гоголевских героев никак с чтением не связаны, то они выглядят скорее нечитателями, чем читателями. В статье отмечено, что у Гоголя разграничение героев по такому принципу специально не проводится. Типам нечитателей типы читателей у него не противопоставлены. В роли нечитателей в его произведениях выступают читатели; другое дело, что и как они читают. К их чтению

в тех немногих произведениях, где присутствуют книги, автор у Гоголя относится с нескрываемой иронией. Все эти положения раскрываются в статье на конкретных примерах. К анализу привлечены такие гоголевские произведения, как «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Записки сумасшедшего», «Ревизор» и «Мертвые души». В ходе анализа выявляется, что гоголевские герои совмещают в себе, каждый раз по-своему, свойства читателя и нечитателя. Форма присутствия той или иной книги в произведениях Гоголя обнаруживает прямую зависимость от конкретного выражения обозначенных свойств.

Ключевые слова: Гоголь, книга, чтение, читатель, нечитатель, повесть, роман, поэма

Для цитирования: Кривonos В.Ш. Специфика присутствия книги у Гоголя // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33). С. 90–104. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-90-104>

Information about the author: Vladislav Sh. Krivonos, DSc in Philology, professor, Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, Leo Tolstoy St., 47, 443010 Samara, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>

E-mail: vkrivonos@gmail.com

Abstract: The article examines books that are read or mentioned by characters in several of Gogol's works. It demonstrates that the interest in books—and the attitude toward them—displayed by Gogol's characters reflects specific aspects of their personalities. Books are also considered as material objects that are part of the material world surrounding a particular character. An analysis of Gogol's works shows that his characters have not developed a habit of reading and lack not only the ability but also the desire and need to read. When they do turn to a book, they tend more to imitate the act of reading than to engage in genuine reading. As their interests are in no way connected with reading, they appear more as non-readers than as readers. The article argues that Gogol does not draw a clear distinction between characters on this basis: he does not oppose types of non-readers to types of readers. Readers appear as non-readers in his works; it is another matter how and what they read. In those few works where books are present, Gogol treats the act of reading with undisguised irony. All these points are illustrated in the article with specific examples. The analysis draws on such works by Gogol as *Ivan Fedorovich Shponka and His Aunt*, *Diary of a Madman*, *The Inspector General*, and *Dead Souls*. The analysis reveals that Gogol's characters combine, each in their own way, traits of both readers and non-readers. The specific form in which a book appears in Gogol's works directly reflects the particular configuration of these traits.

Keywords: Gogol, book, reading, reader, non-reader, story, novel, poem

For citation: Krivonos, V.Sh. "The Specifics of the Presence of Books in Gogol's Works." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (33), 2026, pp. 90–104. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-90-104>

Речь пойдет о читаемых или упоминаемых гоголевскими героями книгах, интерес и отношение к которым так или иначе отражают определенные свойства их личности, а также о книге как о материальном предмете, включенном в окружающий того или иного героя вещный мир¹. Прямые или косвенные отсылки автора к тем или иным произведениям в виде аллюзий, цитат и реминисценций, выражающих и раскрывающих его книжный опыт, в статье не рассматриваются.

Сразу оговорим, что герои Гоголя, в отличие, например, от героев Достоевского, которые «с большим усердием и азартом читают» книги, а также «обсуждают» их и «интерпретируют» [Касаткина, 2024, с. 13], подобного усердия и тем более азарта не обнаруживают. У них отсутствует потребность в чтении и не выработана привычка к чтению, вошедшая в быт современных Гоголю «регулярных читателей» [Рейтблат, 2001, с. 15], которая демонстрировала бы не только умение, но желание и стремление читать; если же они и обращаются к какой-либо книге, то скорее имитируют процесс чтения, чем читают. Ср. ироническую характеристику *просвещенных* жителей города N. в «Мертвых душах»: «<...> кто читал Карамзина, кто “Московские Ведомости”, кто даже и совсем ничего не читал» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 157]. Алогичная конструкция гоголевской фразы, уравнивая посредством частицы «даже» тех, кто *читал*, и тех, кто *совсем ничего не читал*, лишает чтение подобного рода читателей не просто какого-либо существенного значения, но значения вообще.

Подобно ряду персонажей, выведенных в литературе пушкинской эпохи, чьи жизненные интересы никак с чтением не связаны, гоголевских героев тоже можно было бы назвать «нечитателями» [Федута, 2015, с. 262–263]. Но если, к примеру, в пушкинском романе в стихах типам нечитателей противопоставлены типы читателей, прежде всего главные герои, погруженные «в мир книг» [Кошелев, 1999, с. 283], то у Гоголя разграничение героев по такому принципу не проводится. В роли нечитателей у него выступают читатели;

¹ Цели и задачи изучения проблемы присутствия книги в книге сформулированы и подробно изложены в статье: [Касаткина, 2024]. Предлагаемые исследователями подходы к проблеме были освещены в аналитических обзорах: [Подосокорский, 2024]; [Борисова, 2025]. Возможности ее понимания продемонстрированы в ряде специальных работ; см., например: [Боборыкина, 2023]; [Магарил-Ильяева, 2025].

другое дело, что и как они читают. К их чтению в тех гоголевских произведениях, где присутствуют книги, автор относится с нескрываемой иронией.

Так, герой повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» во время службы в пехотном полку «упражнялся в занятиях, сродных одной кроткой и доброй душе: то чистил пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели» [Гоголь, 1937–1952, т. 1, с. 286]. Чтение книги, стоящее в одном ряду с лежанием на постели и служащее способом заполнить время, лишено, однако, признаков занятия, в котором бы Шпонька регулярно упражнялся: «Книг он, вообще сказать, не любил читать; а если заглядывал иногда в гадательную книгу, так это потому, что любил встречать там знакомое, читанное уже несколько раз» [Гоголь, 1937–1952, т. 1, с. 288]. В книгу он *заглядывал иногда*, и книга эта *гадательная*, содержащая знакомые ему уже толкования тех или иных явлений и не требующая от него каких-либо действий.

Стоило же Ивану Федоровичу столкнуться с вопросом, читал ли он «Путешествие Коробейникова ко святым местам», то, «услышавши, что дело идет о книге, прилежно начал набирать себе соусу» [Гоголь, 1937–1952, т. 1, с. 300]. Книга эта, принадлежавшая к низовой литературе, служила «услаждением читателей известного класса» и считалась своего рода «лекарством души» [Библиотека для чтения, 1837, с. 13]. Героя, незнакомого с ней, удивил факт, «какие есть на свете далекие страны» [Гоголь, 1937–1952, т. 1, с. 301], но выйти за границы существования, на которое обрекает его состояние инфантилизма, книга ему помочь не может. Тетушке, напомнившей племяннику, что ему «тридцать осьмой год» и потому «непреренно нужна жена», Шпонька, «испугавшись», отвечает: «Я совершенно не знаю, что с нею делать!» [Гоголь, 1937–1952, т. 1, с. 306]. Не знает он также, что делать с книгами, в которых не встретишь ничего *знакомого*, почему и не любит их читать.

Герой «Записок сумасшедшего», засевший в кабинете директора департамента, чтобы перечинить «все перья», замечает, что он «установлен шкафами с книгами», к которым у него «и приступа нет: всё или на французском или на немецком» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 196]. Но Поприщин и на русском книг не читает, предпочитая им газеты, например, «Пчелку», то есть «Северную пчелу», в которой его привлекает «очень приятное изображение бала, описанное

курским помещиком» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 196]. Привлекает потому, что соответствует его читательским вкусам, как и переписываемые им «хорошие стишки», которые по невежеству принимает за «Пушкина сочинение» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 197]. Из газет же он узнает новости о «странных делах», делающихся «в Испании» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 206], давших толчок его безумному воображению, окончательно превратившему его в нечитателя.

Свойства читателя и нечитателя совмещает в себе и герой «Ревизора», с удовольствием рассуждающий о книгах и даже цитирующий их. Правда, цитаты из Карамзина или Ломоносова, вдруг возникающие в его речи, отнюдь не свидетельствуют, что он действительно читал их произведения; они из тех, что были, что называется, на слуху и широко разошлись в обществе (см. подр.: [Кривонос, 2021, с. 5–14]). Цитаты эти, призванные объяснить странное поведение Хлестакова, когда он, например, признается сначала в любви к жене Городничего, которой предлагает удалиться «под сень струй» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 76], а следом к ее дочери, легко меняют свой настоящий смысл и приобретают, подобно сочиненной им прямой речи Пушкина, с которым он будто «на дружеской ноге» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 48], комическое звучание.

Демонстрируя «начитанность», служащую «признаком принадлежности к петербургской элите», Хлестаков лишь «маскируется под читателя» [Федута, 2015, с. 366]. Когда Марья Антоновна, не сомневающаяся, что он говорит «по-столичному» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 73], просит написать «на память какие-нибудь стишки в альбом», то Хлестаков, бахвалившийся, что стихов знает «много», отговаривается, что «теперь» не может их «припомнить» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 74]. Мнимый ревизор такой же мнимый читатель, как и писатель, у которого будто бы «много есть сочинений»: «Уж и названий даже не помню» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 48]. В параллельной реальности, порождаемой его безудержным фантазированием, он превращается в сочинителя книг, авторство которых себе приписывает: «Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, Фрегат Надежды и Московский Телеграф... всё это я написал» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 49].

В одном ряду с повестями Сенковского и Бестужева-Марлинского Хлестаков упоминает и журнал, издаваемый Н. Полевым, принимая его по названию за книгу; все эти будто принадлежащие ему *сочинения* существуют лишь в его воображении и именно в таком

качестве вовлекаются в «миражную интригу комедии» [Манн, 1996, с. 205]. Выдавая чужой роман за свой («Да, это мое сочинение»), он легко выкручивается, услышав, что «там написано» имя настоящего автора: «Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 49]. Анна Андреевна, как она уверяет, «читала» именно *другой* роман и восхищена им: «Как хорошо написано!» [Гоголь, 1937–1952, т. 4, с. 49]. Подтверждая тем самым, что в миражной действительности вполне возможно присутствие несуществующих книг и их читателей.

В «Мертвых душах», если сравнивать с «Ревизором», форма присутствия той или иной книги обнаруживает прямую зависимость не от игры воображения, которым наделен тот или иной герой, а исключительно от читательских привычек, обусловленных особенностями его характера.

Петрушке, слуге Чичикова, «было совершенно всё равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 20]. Для читателя «из простолюдинов», приобщенного к грамоте, цель чтения действительно состояла, по наблюдению критика, «единственно в удовольствии разобрать фразу, понять ее по-своему и удивляться ее мудрености» [Библиотека для чтения, 1839, с. 28]. В случае же Петрушки чтение еще и означает его существование, что делает его типичным гоголевским героем², отмеченное, по ироническому замечанию повествователя, «благородным побуждением к просвещению» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 20], как означивают существование Ивана Ивановича в повести о соре надписи на бумажках с семенами о съеденных им дынях: «<...> сия дыня съедена такого-то числа» [Гоголь, 1937–1952, т. 2, с. 224].

Книга присутствует в гоголевской поэме и в качестве вещи, соприродной, если обратиться к Манилову, другим окружающим героя вещам, обнаруживающим непосредственную связь с его личностными свойствами и служащим отражением его личности. Так,

² Такова «сокровеннейшая забота» героев Гоголя, «до самых смешных и ничтожных» [Бочаров, 1985, с. 147].

в гостиной в его доме, где «стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей», два кресла «стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: “Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы”» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 25]. Ср.: «В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 25]. Книжка, которую Манилов, застряв на 14 странице, *постоянно читал уже два года*, то есть не читал вообще, является таким же показательным атрибутом обстановки, как кресла, уже несколько лет обтянутые рогожей; наделенные функций предмета, «на котором нарисована фикция», они оказываются «подобием чего-то» [Белый, 1996, с. 95]. Кресла — подобием кресел, на которых нельзя сидеть; книжка — подобием книги, не предназначенной для чтения.

Было высказано предположение, имея в виду описываемую автором книжку, «что, возможно, это журнал “Сын Отечества”» [Дмитриева, 2011, с. 373]. Но вряд ли, так как название журнала, «иногда» читаемого Маниловым, о чем он упоминает, сетуя на жизнь в деревенском «уединении» и отсутствие общения, которое бы «расшевелило душу» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 29], выполняет другую роль: оно служит, как показывает ход его разговора с Чичиковым, свидетельством *патриотической* озабоченности героя «дальнейшими видами России» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 35]. Автор, похоже, намеренно не указывает название книжки (*какая-то книжка*), поскольку чтение никак не означает маниловское существование; более того, книжка, будучи такой же фикцией, как и сам Манилов, в котором «все — фикция» [Белый, 1996, с. 98], служит знаком его несуществования.

В том же разговоре Чичиков, откликаясь на вопрос Манилова, как ему «показался полицеймейстер», так характеризует последнего: «Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 28]. Представление о *начитанности* полицеймейстера, на вечере у которого они действительно «играли до двух часов ночи» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 17], но не имели случая выяснить, что тот читает и читает ли вообще, говорит о том, что в жизни Чичикова книга занимает не самое важное место, сильно уступая по степени значимости карточной игре и иным гораздо более почтенным, с точки зрения ге-

роя, занятиям. Так что речь идет всего лишь о «комплименте, весьма приличном для человека средних лет» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 17], на которые не скупился Чичиков. Он и с Маниловым соглашается, не забывая о цели своего визита, что «ничего не может быть приятнее», как «почитать иногда какую-нибудь книгу» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 29], хотя сам берется за книгу ближе к концу повествования, когда, получив «легкую простуду, флюс и небольшое воспаление в горле», решил посидеть «денька три» в гостинице и, «чтобы чем-нибудь занять время», прочитал «какой-то том герцогини Лавальер, отыскавшийся в чемодане» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 211].

История жизни «королевской фаворитки», изложенная в романе С.Ф. Жанлис «Герцогиня де Лавальер», принявшей «добровольный постриг в одном из Парижских монастырей», была выбрана Гоголем, по мнению Е.Е. Дмитриевой, «скорее всего, для следующего (второго) тома “Мертвых душ”, где предполагалось “исправление” и очищение Чичикова» [Дмитриева, 2011, с. 379–380]. Правда, Чичиков признается во втором томе поэмы (в уцелевшей третьей главе), что «до сих пор еще “Графини Лавальер” не прочёл: всё нет времени» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 63].

Между тем для автора значимым было обращение именно в первом томе к этому роману, представлявшему собой, как и другие сочинения писательницы, на страницах которых, по словам ее поклонника, читателя-«старовера» из неоконченного произведения В.Ф. Одоевского, «душа отдыхает» [Сакулин, 1913, с. 378], род назидательного и нравоучительного чтения. Оно отвечает умению Чичикова рассуждать, среди прочего, и на темы морали, если того требовала ситуация, например, при посещении городских сановников: «<...> говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 17]. Подобное чтение соответствует его читательским вкусам, отражающим показную любовь к *добродетели* и диктующим в свою очередь требования к литературному изображению. Ср. его негодование, вызванное сценой на балу, где ему случилось «оборваться», которую, как он допускает, вздумал бы описать в своей книге «какой-нибудь писатель»: «Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто чорт знает что такое! Плюнешь, да и книгу потом закроешь» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 175].

Возвращаясь в гостиницу после столь удачных для него визитов к помещикам, Чичиков «был весел необыкновенно» и «затянул ка-

кую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачив слегка головой, сказал: «Вишь ты, как барин поет!» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 130]. При въезде в город доносятся до него «какие-то, казалось, женские восклицания», не совсем приятные для слуха, способные смутить «замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями. Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости — и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 131].

Эти описания перекликаются со сценой в доме председателя палаты, где Чичиков с чиновниками и помещиками дружно отмечали его *приобретения*, так что в скором времени «всем сделалось весело необыкновенно» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 151]. Причем будущий херсонский помещик так развеселился, что «стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарlotte, на которое тот хлопал только глазами, сидя в креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 152].

Необыкновенная песня, которую затянул на радостях герой, сюжетно предшествует посланию в стихах, слушателем которого, совершенно неподготовленным к такому чтению, стал объездивший осетра Собакевич, когда Чичиков, перечекавшись по третьему разу со всеми гостями, неожиданно заехал в гости к Гете. Только вместо *чудного женского образа с гитарой и кудрями* воображение его занимает список накупленных им умерших крестьян, числящихся живыми.

Чичиков, согласно сложившемуся мнению (см.: [Дмитриева, 2011, с. 385]), читал, вероятнее всего, опубликованное в 1819 году стихотворение В.И. Туманского «Вертер к Шарlotte (за час перед смертью)» герой которого, что явно не давало поводов для веселья, взирая в «последний раз» на «те места, где счастье он вкушал», призывает своего адресата:

Приди мечтать о мне и горести слезами
Ту урну окропи, где друга прах сокрыт
[Туманский, 1912, с. 63].

Существовало и написанное в 1801 году стихотворение А.Ф. Мерзлякова «Письмо Вертера к Шарlotte», где герой, «лишив-

шихся покою» от «прелестей» возлюбленной, выражает желание беседовать с ней «в последний раз» [Мерзляков, 1958, с. 219]. Однако Чичиков вряд ли мог запомнить такое длинное (по сравнению с коротким текстом Туманского) стихотворение, состоящее из множества стрóf, тем более от него веселее бы уж точно не стало.

Между тем, как показывает развитие событий, чтение героем послания Вертера не было случайным эпизодом; хоть автор и выражает сомнение, «чтобы господа такого рода», имея в виду впечатление, произведенное на Чичикова на балу у губернатора шестнадцатилетней блондинкой, «способны были к любви», но, «видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов» или, «по крайней мере», в кого-то «вроде молодого человека, чуть-чуть не гусара» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 169]. Только последствия этой встречи оказались для героя, имея в виду его сюжетную судьбу, весьма печальными, побуждая вспомнить меланхолическое содержание прочитанного Собакевичу послания.

Завязавшаяся интрига, вызванная слухами об отношениях Чичикова и губернаторской дочки, порождает сочиненный дамами устный роман, где герой «является вооруженный с ног до головы вроде Ринальда Ринальдина и требует: “Продайте, говорит, “все души, которые умерли”» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 183]. В сюжете сочиненной дамами истории сцепляются фантастическим образом «необыкновенные происшествия», что отвечало «общему мнению» [Надеждин, 1972, с. 271], каким должен быть роман, а Чичиков предстает его невымысленным героем. По предположению дам, он «хочет увезти губернаторскую дочку» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 185], что соответствовало представлениям о разбойничьей биографии, включающей в себя мотив «похищения возлюбленной» [Лотман, 1988, с. 242]. Дамский роман пародирует общие места «разбойничьего» романа, так что *просто приятная дама* недаром вспомнила пользовавшийся успехом у читателей и повлиявший, видно, на ее воображение роман К.А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников».

Иные книги повлияли на воображение почтмейстера, «остряка и философа» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 15], с кем Чичиков познакомился в доме у губернатора, где ему тут же «сунули карту на вист», а почтмейстер, «взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 16]. Выражение это объясняется, очевидно, тем, что он «читал весьма

прилежно, даже по ночам, Юнговы “Ночи” и “Ключ к тайнствам натуры” Эккартсгаузена <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 156]. В круг чтения носителя *мыслящей физиономии* входят религиозно-дидактическая поэма английского поэта, содержащая размышления о пережитых несчастьях и горестях жизни и рассчитанных на сочувствие читателя, готового отождествить себя с героем, и труд немецкого писателя и философа, стремившегося раскрыть мистический смысл природы вещей, посвященный познанию загадочных явлений окружающего мира.

Выслушав разные догадки о том, кто такой Чичиков, почтмейстер, «погруженный в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул неожиданно», что это «не кто другой, как капитан Копейкин!»» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 199]. В поисках собственного ключа к тайнствам натуры почтмейстер, осененный вдохновением, стимулированным читаемыми *весьма прилежно* книгами, переносит действие своей повести в мистическое пространство Петербурга, порождающее разного рода фантомы. Но в качестве сочинителя выглядит скорее *остряком*, чем *философом*, забыв о правдоподобию и обманув ожидания слушателей, прежде всего полицеймейстера, прервавшего рассказ замечанием о вопиющем несходстве двух *разбойников*: «<...> ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова...» [Гоголь, 1937–1952, т. 6, с. 205].

Во втором томе поэмы, как и в первом, также подчеркнута связь упоминаемых или читаемых книг с определенными личностными свойствами того или иного героя.

Так, Чичиков возит с собою рядом с «банкой с одеколоном» и «календарем» еще и «два какие-то романа, оба вторые тома» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 29]. Странный выбор книг, сопровождающих его в поездках (почему-то только вторые тома двух романов), оставлен без объяснения, поскольку и без него понятно, какого рода читателем он является. Ведь вряд ли с того времени, как Чичиков покинул город N. и «немножко постарел» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 28], он приобрел отсутствовавшую у него привычку к регулярно-му чтению и, например, прочитал первые тома *каких-то* романов. Правда, он отзывается «с похвалой о книгах вообще», когда взглянул на библиотеку Тентетникова и «заметил, что они спасают от праздности человека» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 29]. Но это всего лишь

общие слова, выдающие желание Чичикова сказать что-то приятное приютившему ему молодому помещику.

Сам же Тентетников, откладывая «колоссальное предприятие», которому он собирался посвятить свои силы, всякий раз углубляется в чтение книги, которая «уже не выпускалась до самого обеда» и «читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным <...>» [Гоголь, 1937–1952, т. 7, с. 11]. Однако от праздности книга, потому и неназванная, что Тентетникову все равно было что читать, лишь бы не заниматься делами, его не спасает.

Впрочем, учитывая незавершенность второго тома, трудно предположить, как в результате могли бы выглядеть отношения того же Тентетникова и иных героев, здесь не упомянутых, с другими и новыми книгами, если бы те заполнили своим присутствием избранный пространство.

Список литературы

1. Белый, 1996 — Белый А. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996. 351 с.
2. Библиотека для чтения, 1837 — <Без подписи>. Гуак, или непреоборимая верность. Рыцарская повесть // Библиотека для чтения. 1837. Т. 25. Отд. VI. С. 13.
3. Библиотека для чтения, 1839 — <Без подписи>. Деревенский староста Мирон Иванов. Народная быль для русских простолюдинов // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Отд. VI. С. 28–30.
4. Боборыкина, 2023 — Боборыкина Т.А. Слова, слова, слова: Книги в книгах Данте, Шекспира, Пушкина, Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 147–171. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-147-171>
5. Борисова, 2025 — Борисова В.В. «Образы книг» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Рецензия на коллективную монографию Т.А. Касаткиной, К. Корбеллы, Т.Г. Магарил-Ильяевой, Н.Н. Подосокорского «Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 2 (30). С. 370–383. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-370-383>
6. Бочаров, 1985 — Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. 296 с.
7. Гоголь, 1937–1952 — Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1952.
8. Дмитриева, 2011 — Дмитриева Е.Е. Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 392 с.
9. Касаткина, 2024 — Касаткина Т.А. Книга в книге и книга per se // Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н. Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 13–31.

10. Кошелев, 1999 — *Кошелев В.А.* «Онегина» воздушная громада». СПб.: Академический проект, 1999. 286 с.
11. Кривонос, 2021 — *Кривонос В.Ш.* Гоголь в русском литературном пространстве XIX–XX веков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2021. 272 с.
12. Лотман, 1988 — *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
13. Магарил-Ильяева, 2025 — *Магарил-Ильяева Т.Г.* Роман В. Гюго «L’homme qui rit» в «Бесах» Ф.М. Достоевского. Статья 1 // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 58–75. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-58-75>
14. Манн, 1996 — *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
15. Мерзляков, 1958 — *Мерзляков А.Ф.* Стихотворения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1958. 328 с. (Библиотека поэта. Большая серия.)
16. Надеждин, 1972 — *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М.: Худож. лит., 1972. 576 с.
17. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Итоги и перспективы международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), 2–4 октября 2023 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 305–313. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-305-313>
18. Рейтблат, 2001 — *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
19. Сакулин, 1913 — *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. — Писатель. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 2. 479 с.
20. Туманский, 1912 — *Туманский В.И.* Стихотворения и письма. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1912. 439 с.
21. Федута, 2015 — *Федута А.И.* «Кто б ни был ты, о мой читатель...»: проблема читателя в литературе пушкинской эпохи. Минск: Лимариус, 2015. 400 с.

References

1. Belyi, A. *Masterstvo Gogolia [Gogol's Mastery]*. Moscow, MALP Publ., 1996. 351 p. (In Russ.)
2. “Guak, ili nepreoborimaia vernost’. Rytsarskaia povest’” [“Guak, or Irresistible Loyalty. A Knight’s Tale”]. *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 2, section VI, 1837, p. 13. (In Russ.)
3. “Derevenskii starosta Miron Ivanov. Narodnaia byl’ dlia russkikh prostoliudinov” [“Village Headman Miron Ivanov. A Folk Tale for Russian Commoners”]. *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 35, section VI, 1839, pp. 28–30. (In Russ.)
4. Boborykina, T.A. “Slova, slova, slova: Knigi v knigakh Dante, Shekspira, Pushkina, Dostoevskogo” [“Words, Words, Words: Books in the Books of Dante, Shakespeare, Pushkin, Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 147–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-147-171>
5. Borisova, V.V. “‘Obrazy knig’ v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’”. *Retsenziia na kollektivnuiu monografiu T.A. Kasatkinoi, K. Korbely, T.G. Magaril-Iliaevoi, N.N. Podo-*

sokorskogo “Knigi v knige. Rol i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo ‘Idiot’” / otv. red. T.A. Kasatkina. M.: IMLI RAN, 2024. 392 s.” [“‘Images of Books’ in Fyodor Dostoevsky’s Novel *The Idiot*. Review of the Collective Monograph: Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il’iaeva, T.G., and N.N. Podosokorsky. *Books in the Book. The Role and Image of Books in Fyodor Dostoevsky’s Novel The Idiot*. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p.”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (30), 2025, pp. 370–383. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-2-370-383>

6. Bocharov, S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [About Artistic Worlds]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1985. 296 p. (In Russ.)

7. Gogol’, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols]. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1937–1952. (In Russ.)

8. Dmitrieva, E.E. *N.V. Gogol’ v zapadnoevropeiskom kontekste: mezhdru iazykami i kul’turami* [Gogol in the Western European Context: Between Languages and Cultures]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 392 p. (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. “Kniga v knige i kniga per se” [“The Book in the Book and the Book *per se*”]. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il’iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol’ i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [Books in the Book. The Role and Image of Books in Fyodor Dostoevsky’s Novel *The Idiot*]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 13–31. (In Russ.)

10. Koshelev, V.A. “‘Onegina’ vozduzhnaia gromada” [“‘Onegin’s’ Aerial Bulk”]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 286 p. (In Russ.)

11. Krivonos, V.Sh. *Gogol’ v russkom literaturnom prostranstve XIX–XX vekov* [Gogol’ in the Russian Literary Space of the 19th–20th Centuries]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, FLINTA Publ., 2021. 272 p. (In Russ.)

12. Lotman, Iu.M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol’* [In the School of Poetic Words: Pushkin. Lermontov. Gogol’], Moscow, Prozvshchenie Publ., 1988. 352 p. (In Russ.)

13. Magaril-Il’iaeva, T.G. “Roman V. Giugo ‘L’homme qui rit’ v ‘Besakh’ F.M. Dostoevskogo. Stat’ia 1” [“Victor Hugo’s Novel *L’homme qui rit* in Dostoevsky’s *Demons*. Article 1”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 58–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-58-75>

14. Mann, Iu.V. *Poetika Gogolia. Variatsii k teme* [Gogol’s Poetics. Variations on the Theme]. Moscow, Coda Publ., 1996. 474 p. (In Russ.)

15. Merzliakov, A.F. *Stikhotvoreniia* [Poems]. 2nd ed. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1958. 328 p. (In Russ.)

16. Nadezhdin, N.I. *Literaturnaia kritika. Estetika* [Literary Criticism. Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1972. 576 p. (In Russ.)

17. Reitblat, A.I. *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sociologicheskie ocherki o knizhnoi kul’ture Pushkinskoi epokhi* [How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

18. Podosokorskii, N.N. “Itogi i perspektivy mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii ‘Kniga v knige’, posviashchennoi pamiati Aleksandra Viktorovicha Mikhailova (1938–1995), 2–4 oktiabria 2023 goda” [“Results and Prospects of the International Online Conference ‘A Book in the Book,’ in Memory of Alexander V. Mikhailov (1938–1995), October 2–4, 2023”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (30), 2025, pp. 370–383. (In Russ.)

vskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal, no. 2 (26), 2024, pp. 305–313. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-305-313>

19. Sakulin, P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kniaz' V.F. Odoevskii. Myslitel'. Pisatel'* [From the History of Russian Idealism. Prince V.F. Odoevsky. Thinker. Writer], vol. 1, part 2. Moscow, M. e S. Sabashnikov Publ., 1913. 479 p. (In Russ.)

20. Tumanskii, V.I. *Stikhotvoreniia i pis'ma* [Poems and Letters]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1912. 439 p. (In Russ.)

21. Feduta, A.I. "Kto b ni byl ty, o moi chitatel'...": problema chitatelia v literature pushkinskoi epokhi ["Whoever You Are, O My Reader...": The Problem of the Reader in the Literature of the Pushkin Era]. Minsk, Limarius Publ., 2015. 400 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 05.10.2025

Одобрена после рецензирования: 20.10.2025

Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 05 Oct. 2025

Approved after reviewing: 20 Oct. 2025

Date of publication: 25 March 2026